

На правах рукописи

РУДЕНКО КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ПРОЦЕССЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОЛГО-КАМЬЕ В КОНЦЕ X- XIV
ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

Исторические науки 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Ижевск, 2004

Работа выполнена в Национальном музее Республики Татарстан.

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук **Фахрутдинов Равиль Габдрахимович**

Доктор исторических наук **Кызласов Игорь Леонидович**

Доктор исторических наук **Белавин Андрей Михайлович**

Ведущее учреждение - Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им В.М.Васильева

Защита состоится 7 декабря 2004 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д.212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан «____» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист.наук, доцент

Журавлева Г.Н.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В истории России Среднее Поволжье и Прикамье играли особую роль. Этот регион являлся важнейшим пунктом экономических, торговых интересов государств Восточной, Западной Европы и стран Востока с древнейших времен. Исторически сложилось, что население этого региона было полиэтничным. Близкое соседство, сходные условия ведения хозяйства и транзитные торговые пути способствовали сближению народов. На протяжении тысячелетий определяющим направлением процесса, формировавшего этнический состав населения региона, были миграции. Глобальные события мировой истории – «Великое Переселение народов», монгольское нашествие и создание мировых империй, будь то Тюркский каганат или Золотая Орда, затрагивали и Волго-Камье. Субстратный этнический массив в регионе испытывал постоянное воздействие извне.

Создание ранних государственных образований на этой территории стало закономерной стадией развития общественных и социальных отношений у населения Волго-Камья, воспринявших наследие и традиции такого рода от государств-предшественников.

Отсутствие статичности, этнической замкнутости и этническая толерантность – характерная черта Волго-Камского региона и причина чрезвычайного своеобразия традиционной культуры и быта проживающих здесь народов.

Взаимодействие народов затрагивало язык, духовную и материальную культуру. Основное внимание в этой связи уделено проблематике обусловленной характеристикой процессов как «этнокультурные». Подразумевается, прежде всего, непосредственное контактирование различных этносов и этнических групп. Прямое отношение к этой теме имеют вопросы, связанные с торговлей и идеологией. Торговля, выражающая в большей части экономическую сторону межэтнических отношений, касается и такой важной проблемы как экономическое развитие общества и его способность к интеграции в единую экономическую систему обитаемого мира. Археологически это выражается в восприятии, как новых форм элементов материальной культуры, так и новых технологий. Данная проблема представляется особенно актуальной, поскольку выявление оригинальных импортных изделий, их копий и технологических реплик – позволяет адекватно представить процессы адаптации этносов, особенное и общее в их материальной культуре.

Стоит отметить и то, что этнокультурное взаимодействие вовсе не подразумевает этнической нивелировки этносов, а наоборот процессы этнокультурного взаимодействия способствовали и в некотором роде стимулировали механизмы

этногенеза народов региона. Этот этнокультурный феномен требует специального исследования как динамическая модель этнической толерантности в условиях природной и социокультурной адаптации.

Объектом исследования является материальная культура средневековых этносов Волго-Камья.

Предметом исследования является процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в X – XIV вв. материальная культура народов региона.

Территориальные рамки исследования охватывают Волго-Камье – обширный и своеобразный регион. Место слияния двух крупнейших рек Волги и Камы, являвшихся с древнейших времен главными торговыми артериями народов Восточной Европы, было и направляющей «магистралью» глобальных миграций. Именно здесь в X в. возникло одно из первых государственных образований Восточной Европы – Волжско-Камская Булгария. Вполне закономерно и то, что эта область стала не только пунктом пересечения торговых путей, как региональных, так и трансконтинентальных, но и своеобразным экономическим и культурным центром Предуралья, местом встречи культуры Востока и Запада. В Волго-Камье выделяется регион Среднего Поволжья и Заволжья (включая территорию нижнего Прикамья), в котором различаются несколько географических зон, центральное место, среди которых занимает Казанское Поволжье.

Геоморфологически территория Казанского Поволжья подразделяется на следующие части: Предкамье, Северное Предволжье, Южное Предволжье и Закамье. Предкамьем называется левобережье Волги и правобережье Камы к северу от Камы. Долиной Вятки Предкамье разделяется на Западное, или Заказанье, и Восточное Предкамье, или Елабужскую сторону. Левобережье Камы называется Закамьем. Рекой Шешмой Закамье делится на Западное и Восточное. Правобережье Волги, включая бассейн Свияги, называется Южным Предволжьем.

Хронологические рамки исследования. В истории народов Волго-Камья большое значение имело существование политических государственных образований: Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Период государственной истории региона начинается в X веке, Именно с этого времени активизируются механизмы развития этнокультуры в условиях государств различного типа. Данная проблема стала ключевой в ряде исследований последнего времени касающихся проблем этно и культурогенеза Волго-Камья. Поэтому основное внимание уделено исследованию археологических материалов периода X в. - начала XV в., то есть археологии периода государственной истории Среднего Поволжья в рамках Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Поскольку древности X в. являются отдельной научной темой, достаточно подробно исследованной (Е.П.Казаков), то нами рассматриваются археологические материалы следующего периода – XI-XIV вв. Материалы X в. также вошли в работу, поскольку периоды бытования вещей, их эволюция не имеют жестких рамок, как, впрочем, и исторические процессы (отражением которых и являются археологические данные) не начинаются и не заканчиваются единомоментно.

Верхняя граница исследования – конец XIV - начало XV в. обусловлена началом нового периода в развитии материальной культуры региона, связанного с распадом Золотой Орды и формированием на ее основе самостоятельных государств. Материальная культура этих государственных образований достаточно быстро приобретала ярко выраженные особенности в отношении предшествующей эпохи.

Исследование древностей XV в. в силу объективных причин еще не набрало тот размах и массовость, как изучение материалов предшествующей эпохи, что не позволяет проводить корректные сравнительные характеристики. Но по мере необходимости, данные, выходящие за обозначенные верхние хронологические рамки, так же привлекались к исследованию. Выбор таких хронологических рамок диктует и имеющийся археологический материал - привлеченные к исследованию данные массово представляют именно период XI-XIV вв.

Цель данной работы - исследование внутреннего содержания и специфики процессов этнокультурного взаимодействия в регионе, выяснение общих и особенных черт этнокультурного развития различных этносов Волго-Камья как между собой, так и по отношению к другим областям и регионам.

Задачи исследования следующие: 1. Охарактеризовать состояние проблемы, степень ее изученности, наиболее актуальные и дискуссионные темы; 2. Дать анализ источниковой базы; 3. Охарактеризовать общие тенденции этнического взаимодействия на основе анализа ремесленных изделий и производства в целом, а также торговли; 4. Исследовать характер этнического взаимодействия тюркских народов Волго-Камья и их соседей на примере аскизских и находок и их подражаний; 5. Изучить вопросы этнических контактов в разных областях материальной культуры финских и финно-угорских народов Среднего Поволжья и Прикамья; 6. Изучить проблему формирования отношений конфессиональной толерантности в регионе по археологическим материалам.

Степень изученности. Вопросы этнокультурного взаимодействия затрагивались, практически, в каждой работе, посвященной истории средневековых этносов и государств Волго-Камья, основанной на археологических источниках.

Ведущими темами являлись: а) освещение торговых связей (Э.А.Савельева, М.Г.Иванова, В.А.Оборин, А.Г.Иванов, А.М.Белавин); б) изучение динамики этнокультурного взаимодействия в регионе, на основе анализа исследования распространения и эволюции предметов материальной культуры (Г.Н.Белорыбкин); в) анализ предметов болгарской материальной культуры в свете этнокультурного взаимодействия (А.Ф.Лихачев, А.П.Смирнов, Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков, Т.А.Хлебникова, Е.П.Казаков, Р.Г.Фахрутдинов, Ф.Ш.Хузин, И.Н.Васильева и др.).

Указанные направления изучения этнокультурного взаимодействия, достаточно полно раскрывали отдельные стороны проблемы. Вместе с тем они, ограничивались либо источниковедческими аспектами исследования региональных материалов, не касаясь этнических составляющих, либо констатировали сам факт этнокультурного взаимодействия и его отражения в археологическом материале, не затрагивая его связи с эпохальными тенденциями в развитии культуры и технологий и региональными «этническими» особенностями. В целом, специального исследования этого вопроса для позднего средневековья Волго-Камья не делалось.

Методологической основой данного исследования является системный подход. Это направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование открытых объектов как систем. Оно обеспечивает раскрытие целостности объекта исследования и обеспечивающих его механизмов, выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину на основе структурного и функционального анализа.

Для решения различных разноплановых задач применялись ряд *методик*. При работе по систематизации материала применялись формально-типологический и сравнительный методы. Стратиграфический и планиграфический методы использовались для решения вопросов археологического датирования и корректировки типологических рядов. Статистические методы привлечены при анализе керамического материала.

Как один из элементов системного анализа использовался микрозональный или микрорегиональный метод. Близка ему ландшафтная или экологическая археология, рассматривающая взаимоотношение элементов ландшафта как экокультурной системы (Чернов С.З., 1989; Афанасьев Г.Е., 1987) и территориальный метод (или метод локалитетов) с социо-экономическим акцентом (Белорыбкин Г.Н., 2003). Микрорегиональный метод, в сущности являющийся основой любого из вышеназванных направлений, поскольку дает главный компонент исследования – территориальную локализацию археологических объектов. Разновидности

микрорегионального метода заключаются в хронологическом, территориальном, предметном аспектах исследования. В средневековой археологии Поволжья и Прикамья такие разработки получили практическое воплощение в работах Е.П.Казакова, М.Г.Ивановой, А.Г.Иванова и др.

Датировка поселений, не исследованных раскопками, определялась по подъемному материалу, в том числе и по керамике, датирующие признаки которой разработаны достаточно подробно (Хлебникова Т.А., 1962; Кокорина Н.А., 1997; 2002; Руденко К.А., 2002б).

В качестве хронологических реперов для болгарских материалов XI-XIV вв. взяты материалы селищ: VI Алексеевского, Остолоповского, Песчаный остров (Руденко К.А., 1994; 1998а; 2000; 2001а).

Источники исследования. Основным источником исследования являются археологические материалы. Это прежде всего результаты полевых исследований автора в 1988-2003 гг.; большая часть которых опубликована (Руденко К.А., 1994, 1998а; 1999а,б,д; 2000; 2001а,б; 2002; 2003).

В общей сложности были использованы данные 1108 болгарских селищ, а также 64 городищ, включая коллекции находок из фондов НМ РТ (более 35 000 единиц хранения). Сравнительную базу исследования составили более 30 000 фрагментов керамики и свыше 3000 изделий из железа, цветных металлов, кости, стекла, камня и керамики с поселений низовий Камы (Руденко К.А., 2000; 2000а; 2001; 2001а; 2003 и др.). Отдельным блоком источников выступают могильники XI-XIV вв., исследованных раскопками, и результаты обследований кладбищ XIV-XVII вв. Закамья и Предкамья (Руденко К.А., 2004).

Кроме того, привлечены материалы раскопок средневековых городищ, селищ и могильников в регионе как по публикациям и отчетам, так и по археологическим коллекциям. Для этого были просмотрены и изучены археологические коллекции из раскопок и сборов материалов со средневековых поселений и могильников из фондов Национального музея РТ, Тобольского, Самарского и Пензенского областных краеведческих музеев; Удмуртского республиканского музея и музея археологии Башкирии; экспозиции ГИМа, Государственного Эрмитажа, фондов ИИЯЛ им. Васильева (Йошкар-Ола), ИИЯЛ (Ижевск), НЦАИ ИИ АНТ (Казань), коллекции музеев археологии Екатеринбургского и Казанского государственных университетов, Болгарского и Билярского государственных историко-архитектурных и природных музеев-заповедников, а также частных собраний (г.Казань).

При анализе историографии вопроса об этнокультурных контактах использовались данные письменных источников. Это средневековые (X- XVI вв.) восточные, европейские (в том числе и русские) сочинения (хроники, летописи, географические труды, записки путешественников). Эти материалы дополнялись данными других наук – этнографии, антропологии, палеозоологии, фольклористики.

Научная новизна исследования состоит в том, что наряду с вводом новых археологических материалов и их интерпретацией был проанализирован механизм межэтнического взаимодействия средневековых этносов региона с учетом структурного и функционального развития различных категорий археологических артефактов. Это позволило выявить особенности этнических контактов в различных областях жизни средневековых обществ Волго-Камья: ремесле, духовной культуре, а также определить обусловленность этих процессов традиционной этнической культурой в условиях природной и культурной адаптации.

Как научные проблемы впервые исследовались темы: 1) аскизские древности в Восточной Европе; 2) локализация и интерпретация памятников поздних кочевников на Нижней Каме как «Татарская Земля»; 3) диагностирование характерных черт болгарского ювелирного ремесла и их этнокультурных составляющих; 4) проведение типологизации поселенческих комплексов и селищ как основы для реконструкции социальных и этнокультурных процессов в регионе, а также решения вопросов исторической географии Волжской Булгарии и болгарской области Золотой Орды. Для решения многих вопросов основным источником выступают материалы селищ.

Практическая значимость работы. Результаты исследований процессов этнокультурного взаимодействия дают возможность использовать их в научной, научно-учебной и музейной работе. В научный оборот введен новый материал, который в дальнейшем найдет применение при мониторинге объектов археологического наследия на территории Татарстана, паспортизации и инвентаризации здесь археологических памятников. Выявление закономерностей топографии средневековых поселений на основе проведенного исследования даст возможность при развертывании археологических работ на новых объектах и, особенно при проведении охранно-спасательных археологических работ, прогнозировать особо перспективные участки для раскопок и давать заключения при землеотводах.

На основе приведенных материалов и выводов возможны дальнейшие исследования в различных направлениях, в частности в направлении культурно-хронологической структуризации древностей региона, что, в сущности, не возможно без учета факторов этнокультурного взаимодействия и их специфики. Данные

исследования необходимы и для изучения этногенетических проблем средневековых этносов Волго-Камья, о чем свидетельствуют продолжающиеся обсуждения и дискуссии ряда проблем, связанных с этнической идентификацией отдельных категорий археологических находок, поисков их истоков.

Результаты проведенных исследований перспективны для развития музейной археологии. Они позволяют не только соотнести потребности комплектования музейных фондов новыми или недостающими археологическими материалами, но и показывают необходимость аналитического изучения полученного материала. Такие исследования важны для разработки музейных экспозиций с элементами натуральных научных реконструкций (жилище, фортификация, костюм), написания музейных каталогов и справочников. Кроме того, сделанные разработки позволяют шире использовать возможности археологических источников для приобщения посетителей музея к культурным традициям прошлого, как путем экспозиционного показа, так и в форме лекций, учебных занятий, экскурсий.

Материалы данной работы использованы для научного проектирования разделов экспозиции НМ РТ по эпохе средневековья; составили основу научной концепции выставки НМ РТ «Великая Булгария и ее соседи» (2004 г.), а также применяются для чтения музейных лекций (1998-2004 гг.).

Результаты проведенных исследований могут привлекаться для написания учебных пособий; использоваться студентами исторических факультетов ВУЗов региона при подготовке научных докладов, курсовых и дипломных проектов по археологии: книга «Материальная культура болгарских селищ...» рекомендована в списке литературы в учебном пособии для ВУЗов и учителей истории (Очерки, 2001). Методические разработки по ряду научных тем, изложенных в диссертации, применяются для подготовки и переподготовки музейных работников и экскурсоводов (Руденко К.А., 2002г,д,е). Опубликованные данные использованы при написании обобщающих и научно-исследовательских статей и исследований (Белавин А.М., 2003), а также подготовки II тома коллективной монографии «Истории Татар».

Значительная часть полученных научных разработок используется для чтения курсов: «Основы археологии», «История материальной культуры и быта», «Основы этнологии» в Институте дополнительного образования министерства культуры РТ (с 2000 г.). Кроме того, они используются для проведения лекций и консультаций в музейном объединении республики, разработке учебно-воспитательных и культурно-образовательных программ для школьников и студентов в Национальном музее (с 1999 г.).

Апробация работы. Основные положения работы опубликованы и обсуждались на Всероссийских, региональных конференциях и симпозиумах: III Международная археологическая конференция «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма)»: Самара. 14-18 марта 2000 г.; Научная конференция «Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.»: Ижевск, 2000 г.; Международная научно-практическая конференция «Великий Волжский путь»: круглый стол «Великий Волжский путь и Волжская Булгария»: Казань, 6-16 августа 2001 г.; Международная научная конференция «Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции»: Ижевск, 2001; Межрегиональная научная конференция. Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. К 25-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН: Уфа, 2001; Всероссийская научная конференция, посвященная 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000) «Поволжье в средние века»: Н.Новгород, 2001 г.; V-й и VI-й Сибирские симпозиумы «Культурное наследие народов Западной Сибири». 2002 и 2003 гг.; Северный археологический конгресс. г.Ханты-Мансийск, 9-14 сентября 2002 г.; Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А.Е.Алиховой «Археология Восточноевропейской лесостепи»: Пенза, 11-14 ноября 2002 г. и другие.

Отдельные разработки и выводы автора излагались в виде докладов на заседаниях Национального центра археологических исследований ИИ АНТ в Казани (2002 г.); отдела археологии Восточно-европейских степей Института археологии РАН в Москве (2004 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, 6 глав, Заключения и Приложений.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяется цель и задачи исследования, а также характеризуется методология и методика исследования.

В **первой главе** «*Историография и история исследования процессов этнической истории и этнокультурных процессов в Волго-Камье*» дается анализ историографических работ, обзор исследований, где рассматриваются вопросы этно и культурогенеза с легендарно-эпического (донаучного периода) и до современности на основе теории научных революций и парадигм (по Т.Куну). Особенностью допарадигмального периода (первого этапа – X – середина XVI в.) в вопросах этно и культурогенеза у булгар можно считать передачу исторических сведений в устной форме. Определенной системы или концепции при передаче исторических сведений о

болгарах в иноязычных источниках (русских, арабоязычных) не наблюдается. В восточной историографии предложена концепция «библейского» происхождения болгар. Сведения о других народах отрывочны и запутаны. Византийские и армянские историки приводят отрывочные факты о болгарах и легенды об их происхождении, опирающиеся, как правило, на постантичные историографические традиции. Информационный характер носят сообщения и упоминания других народов края. Межэтнические контакты в регионе рассматриваются в русле политической истории.

На втором этапе (вторая половина XVI – XVII в.) складывается «казанская» историографическая линия о происхождении правящего класса казанских татар от Чингиз-хана и официальная историческая схема А.И.Лызлова об изначальном «славянстве» болгар, основанная на прямом отождествлении «болгар» из сообщений средневековых авторов с дунайскими болгаро-славянами. Такая постановка вопроса во многом обуславливалась политической направленностью создаваемых произведений, хотя безусловен исследовательский и исторический подход к решению проблемы.

На третьем этапе (XVIII в.) расширяется источниковая база исследования, включавшая новые научные разработки и сбор данных, в том числе археологических и эпиграфических, а так же начало исследования генеалогических татарских документов (шэджере). Ведущей остается официальная теория Лызлова-Татищева, хотя высказываются и иные суждения, еще не оформившиеся концептуально. Принципиальных изменений в подходе к источникам не наблюдается, хотя он становится более «историческим», теряя часть своей публицистичности и ориентации на политическую злободневность. Вопросы межэтнических контактов сводятся к проблеме этнической принадлежности народности волжско-камских болгар.

На четвертом этапе (1804 – 1878 гг.) специфика концептуального подхода заключается в разнообразных версиях толкования источников (в основном письменных). Во многом это объясняется деятельностью зарубежных ученых, принявших активное участие в исследовании болгарских древностей, а так же более углубленным и критическим подходом к письменным и вещественным источникам. В археологических исследованиях преобладает направление на констатацию археологических данных, без развернутого анализа и исторических интерпретаций. Исследования на основе теоретических положений обсуждаемых на археологических съездах, единичны и являются скорее исключением (А.Ф.Лихачев). Общие концепции во многом остаются связанными с традиционным анализом письменных источников и подвержены политической конъюнктуре.

Начальная парадигма складывается в конце 70-х гг. XIX в. – 30-е гг. XX в. Основу ей положили исследования [А.Ф.Лихачева](#). В конце XIX в. образуются относительно независимые историографические линии, представленные работами Ш.Марджани и его последователей (тюрко-булгаро-татарская), «концепцией болгарского славянства» и «чувашской теорией». Расширяется источниковая база исследований (шэджере, археологические данные), хотя значительного влияния на исторические выводы в тот момент они не оказали. С их помощью разрабатывались частные вопросы (локализация болгарских городов и т.п.).

В советский период формируется «местная, национальная» археология и оформление ее на государственной основе, как официальной линии на культурное развитие национальных регионов РСФСР, а затем СССР. По сути, начало советского времени – это серьезный прорыв в становлении «булгарской» археологии, как важной «идеологической» отрасли истории Поволжья. Именно это и определяло развитие организационных археологических структур в ТАССР (прекращение деятельности ОАИЭ, создание ИЯЛИ) и концептуальных положений (постановление 1944 года). В это же время оформляются и национальные региональные научные центры. Начинается активная работа по изучению древностей финно-угорских народов края.

В начале 1950-х гг. складывается *булгарская парадигма* истории и археологии болгар, основанием которой стали работы А.П.Смирнова. В целом, парадигмальный период ознаменовался формированием концепций этногенеза народов Волго-Камья в целом, а также образованием региональных археологических школ, развивавших основные положения научной парадигмы. Более сложный путь прошла казанская археологическая школа, разделившаяся на два направления (А.П.Смирнова и А.Х.Халикова). Такое деление было вполне объяснимым, поскольку формирование историко-археологических концепций с рубежа XIX - XX вв. было достаточно индивидуальным, что собственно позволяет рассматривать здесь отдельные «персонифицированные» этапы: Лихачевский (1860-1870-е), Спицинский (1890 –1900-е), Пономаревский (1910-е), Смоленский (1920-е), Калининский (1930-е), Смирновский (1940-60-е), Халиковский (1970-1994). К концу XX в. концептуальные границы между казанскими школами стали терять четкость и во многом сблизились.

В настоящее время можно рассматривать несколько основных теорий этно и культурогенеза болгар. Все они практически в той или иной степени связаны с этнокультурным взаимодействием в регионе. По методам исследования на сегодняшний день выделяются лингвистическое и историко-археологическое направления в изучении этногенеза и этнокультурных процессов в регионе. Первое

представлено в Татарстане концепцией академика М.З.Закиева, в которой постулируется тезис о автохтонности тюркского населения региона с древнейших времен, на основе исследования татарского языка.

Второе, историко-археологическое направление, представлено следующими точками зрения: 1) тюрко-сармато-финская (А.П.Смирнов, Г.А.Федоров-Давыдов) – тюрко-сарматские группы болгар пришедшие в Среднее Поволжье в VII - VIII вв. смешались с местным финским (финно-угорским) населением, жившим здесь, составив основу болгарского общества, и чуваш, кипчакизировавшегося в период ордынского правления;

2) тюрко-булгарская (А.Х.Халиков, Ф.Ш.Хузин) – с первых веков нашей эры несколькими волнами тюркоязычных групп населения происходит тюркизация края. Она завершается приходом основного болгарского племенного массива в середине VIII века. Пришельцы на ранних этапах, не имели контактов с местными народами, а последующее взаимодействие происходило с тюркоязычными племенами первых «волн». Кипчакский элемент входил в состав болгарского этноса постепенно с домонгольского времени, и интенсивнее в период Золотой Орды, хотя существенной роли в булгарском этногенезе он не играл.

3) татарская (Р.Г.Фахрутдинов) – булгарское государство является преемником ранних тюркских империй (Тюркские каганаты и др.) и связано на всех этапах своей истории с их этническими носителями. История болгар – часть последовательного развития тюркской (татарской) государственности с раннетюркского времени. Значительным фактором в этногенезе казанских татар сыграл период Золотой Орды, которое являлось татарским государством.

4) тюрко-угорская (Е.П.Казаков) – булгарские племена, появившись в середине VIII века в Среднем Поволжье, на пустую территорию, на различных этапах догосударственного периода вступали в этническое взаимодействие с угорскими группами приуральско - прикамского населения. Культура булгарской общности была заложена несколькими последовательными волнами болгарского населения из Подонья, активизировавшимися в конце X в., в связи с политическими событиями в Хазарии. В течение булгарской истории происходила активная инфильтрация в булгарский этнос угорских, финских и в золотоордынский период, тюрко-кипчакских групп.

5) булгаро-именьковская (славянская) (Ю.А.Семькин, Г.И.Матвеева) – булгарские группы, кочевавшие в VIII – IX вв. в Поволжье вступили во взаимодействие с местными именьковскими племенами, причем эти контакты «носили характер

мирного симбиоза» (Семыкин Ю.А., 1996). Близкую точку зрения высказывает Г.И.Матвеева, отмечавшая, правда, что «пока недостаточно материалов, которые позволили бы в полной мере осветить вопрос о взаимоотношениях именьковского населения и пришедших в конце VII века болгар» (Матвеева Г.И., 1997). Надо сказать, что именьковские племена Г.И.Матвеева связывает со славянским этносом. Этот тезис был поддержан В.В.Седовым, предположившим, что именьковцы, в основном, покинули Волго-Камье и переселились в левобережные районы Поднепровья – там, где известны археологические памятники «волынцевской» культуры. Хотя «...какие-то группы именьковцев в отдельных местностях Поволжья сохранились» (Седов В.В., 1994).

б) «чувашская» (В.Ф.Каховский, В.Д.Дмитриев) – болгарские племена, с середины VIII в., активно контактируют с финским местным населением; активная кипчакизация края начинается в ордынское время, когда население городов оказалось в орбите «ордынской» мусульманской культуры (казанские татары), а сельское население сохранившее языческие верования, продолжало вести традиционный образ жизни (чуваши).

7) «башкирская» (Н.А.Мажитов) – существенная часть болгарской территории была занята башкирами, вошедшими в состав болгарского государства, сложившегося после прихода болгарских племен не ранее IX века. Ведущую роль в этногенезе, как поволжских татар, так и башкир сыграла Золотая Орда.

В сущности, эти концепции развивают сложившиеся ранее в российской, а затем и в советской историографии две точки зрения. Это автохтонная (местная) и миграционная концепции. На протяжении советской истории они в той или иной степени претерпевали изменения, о чем говорилось выше, но основное направление сохраняло свой стержень.

Итак, вопросы этнических контактов и взаимодействия являлись основанием для большей части исследований, посвященных этногенезу и этнической истории народов Волго-Камья в XIX-XX вв., а постановка вопроса и сама тематика звучала и в историографии предшествующего времени. Разнообразие концепций, обусловленное спецификой источников, сохраняется до сегодняшнего дня, являясь «наполнением» двух основополагающих сюжетов – миграции и автохтонности. Очевидно, также, что поворотным моментом в аналитических исследованиях этого вопроса стали археологические исследования и привлечение археологических материалов как исторического источника.

Во **второй главе** «Характеристика источников» сначала анализируются природно-географические условия Волго-Камья, а затем характеризуются поселения – городища, селища, и могильники, как источники по изучению этнокультурного взаимодействия.

Специально рассматриваются проблемы экологической адаптации этносов как биологической популяции (демография, физическое состояние, болезни и т.п.), и как природообразующего фактора (антропогенное воздействие на окружающую природу: сельское хозяйство, промыслы и т.п.).

По наблюдениям по количественному составу археологических памятников можно предположить следующую схему развития антропокомплекса в Казанском Поволжье, связав это с археологической периодизацией.

Первый этап VII-IX вв.: появление новинковского населения на Самарской Луке и затем правобережных племен болгар (Большетарханско-Кайбельская группа) при невысокой численности большинства из них. Происходит освоение края ставшей этнической территорией волжских булгар.

Второй этап X-XIII вв.: последующее формирование полиэтничного (многовидового) сообщества с высокой численностью ряда этносов, при активных миграционных процессах в условиях общей стабильности популяции, сопровождавшихся усилением метисации контактирующих этносов. Формирование адаптивного типа населения на территории Волжской Булгарии (территория расселения этноса).

Третий этап XIV-XV вв.: сокращение популяции, смена доминирующих этносов как результат социо-политических изменений.

Четвертый этап XVI в.: заметное сокращение численности населения, длительное сохранение последней стадии сукцессии¹.

Для исследования археологических источников: поселений, могильников и предметных комплексов были привлечены, в основном, болгарские памятники, поскольку их материалы, как показали опубликованные результаты (Е.П.Казаков, Т.А.Хлебникова, Н.А.Кокорина, Р.Г.Фахрутдинов и др.), дают обширный материал касающийся вопросов этнических контактов. Особое внимание было уделено болгарским памятникам Предкамья – которое являлось контактной зоной тюркского и финского мира.

Городища и селища рассмотрены в контексте поселенческой структуры в составе мега, мезо и макро агломераций по географическим зонам. Проведенный

¹ Этот этап в исследовании не рассматривается.

анализ позволил высказать предположение, что сущность выделенных поселенческих комплексов связана как с развитием поселенческой структуры в целом, так и, в значительной степени, с процессами урбанизации. Причем специфика процессов градообразования и различные пути возникновения болгарских городов (как выражение социально-экономического развития общества) во многом основывалось на характере и динамике этнического состава населения проживающего на определенной территории.

Изучение поселенческой структуры Предкамья и динамики изменения системы расселения позволило предположить, что она формировалась поэтапно; причем каждый этап в той или иной степени был связан с активизацией болгарской колонизации, проходившей с конца XI в. Не исключено, что это вызвало отток части финно-пермского населения на Вятку и далее в Пермское Предуралье. Это движение могло стать основой появления в Прикамье местных реплик болгарских изделий.

Исследование погребальных памятников в контексте нашей темы, было невозможно без их систематизации. Систематизация могильников и отдельных погребений проводилась по следующим признакам. Вид могильника или одиночного погребения определялся погребальным культом (языческий, монотеистический), группа в первом случае выделяется по этно-хронологическому; во втором – по профессиональному и хронологическому признакам. Погребальные памятники, объединенные в одну группу, делятся на отделы по их характеру и месту функционирования: городские, сельские, курганные и грунтовые могильники, а также одиночные захоронения. Тип определяется по особенностям погребальной обрядности памятников.

Проведенная систематизация погребальных памятников выявила существенные их особенности на разных хронологических этапах, неоднородность погребальных комплексов, где сочетались черты монотеистических религий и доисламские верования. Причем не только в форме неустойчивой погребальной обрядности мусульманского канона, но и как самостоятельные традиции, где соблюдались все языческие ритуалы.

Существенная вариабельность элементов погребального культа при преобладании мусульманского канона свидетельствует о постоянных этнокультурных контактах болгарского населения.

Анализ литературы по этническому взаимодействию по данным различных категорий археологических находок, заставил обратиться к вопросам, связанным с интерпретацией некоторых керамических групп, в частности, к керамике XVI

этнокультурной группы по Т.А.Хлебниковой (так называемая «славяноидная посуда»). Вопрос о том, что эта керамика является производной от нескольких этнокультурных традиций не вызывает сомнения. Причем древнерусская форма сосуда с характерным блоковидным венчиком накладывается на раковинную примесь в тесте, типичную для Прикамья. Территорией формирования славяноидной керамики считается марийское Поволжье, где, как считает Л.Д.Макаров, сошлись волны славянского продвижения из Нижегородского княжества и Вятской земли, а также (в XIII в.) беженцы из Волжской Булгарии (Макаров Л.Д., 2004, с.121-122).

Однако, имеющиеся данные по датированным и стратифицированным селищам в низовьях Камы, позволяют утверждать, что окончательное формирование этой группы керамики происходило в период второй трети –середины XIV в. в восточной части Предкамья (район Арска) и северной части Западного Закамья (Алексеевско-Чистопольско-Елабужское течение Камы). Истоки XVI ЭКГ керамики мы находим в характерных формах прикамской посуды, появившейся в конце XIII в., а может быть и чуть раньше по Вятке в нижнем течении Камы (см. селище Песчаный остров, Чакма, Елабужское городище (Нигамаев А.З, Хузин Ф.Ш., 2000). Не исключено, что это были поселения на Средней Вятке (Казаков Е.П., 1994). Форма керамики могла прийти с Вятки, вместе с русскими пленными или переселенцами. Очевидно, что такая посуда могла родиться только в этнически неоднородной среде, в отрыве от традиционного места жительства, где происходили активные процессы ассимиляции. Характерно и то, что вместе с этой посудой, на поселениях, по данным остеологии, почти постоянно присутствуют костные останки домашней свиньи.

Расселение или перемещение ее носителей происходило, преимущественно, по Вятке, Каме и Волге, охватив во второй половине XIV в. Марийское Поволжье (кроме Юльяльского селища и Малосундырского городища такая керамика встречена на поселении «Красное селище» на р. Суре в Горномарийском районе Марий Эл (Никитина Т.Б., 2000)), а также крупные поселенческие центры в Закамье и южной части Предкамья.

Уточнены рамки бытования керамики типа «джукетау» (X- XV вв.) в ее классическом варианте, сложившемся в домонгольский период (XI-XII вв.). По нашему мнению, к концу XIII в. эволюционная линия джукетаусской керамики прекратилась, передав свои традиции гибридной керамике пермских истоков (XVIII ЭКГ). Эта группа, как показали материалы раскопок селища Песчаный остров, в течение нескольких десятилетий приобрела новые черты, как во внешнем оформлении, так и в технологии изготовления. Отдельные ее черты угадываются в низких чашевидных формах,

практически без шейки и с утолщенным венчиком. В крупных городах она заметно изменяется (XIX ЭКГ), хотя прикамско-пермские истоки по-прежнему угадываются в ней довольно легко

Характерно то, что основные этапы эволюции джукетаусской керамики происходят в прикамских районах. Кстати находки ее отмечены в Прикамье и в более северных районах (А.М.Белавин). Развитые ее формы встречаются в погребальном инвентаре Елабужского IV могильника. Видимо под влиянием болгарской круговой столовой посуды, так и лепной и подправленной на круге керамики формируются оригинальные формы прикамской, и в частности чепецкой посуды (сосуды с ручками).

Были затронуты и вопросы, касающиеся этнических элементов костюма, поскольку в археологической литературе было высказано мнение, что этнические элементы костюма заменяются на всей находившейся под влиянием болгар территории на «модный общегосударственный костюм» (Н.Б.Крыласова, 2002). Представленные типы украшений этого общегосударственного костюма хотя и встречаются в болгарских и, например, чепецких древностях, но этого еще не достаточно, чтобы говорить о них как об элементах «государственного» костюма.

Вместе с тем, стоит признать, что данное наблюдение позволяет рассматривать многие украшения не только как болгарский импорт (Е.П.Казаков), но и как определенное явление культуры (но не моду!) финно-угорских народов Волго-Камья. Что касается болгарского костюма, то он не сложился в единый «государственный», а был региональным, и этническим в своей основе.

Таким образом, вполне очевидно, что этническая основа была определяющей при формировании антропогенного ландшафта Казанского Поволжья, в складывании поселенческой структуры этого региона, в том числе накладывала отпечаток и на характер урбанизационных процессов. Это нашло прямое отражение в погребальном обряде городских и сельских могильников на территории Волжской Булгарии и болгарской области Золотой Орды, а также в массовом археологическом материале (керамика).

В **третьей главе** *«Ремесло и торговля как показатели этнокультурного взаимодействия»* рассматриваются развитие ремесла и ремесленного производства как социо-культурного явления в период XI-XIII и XIV-XV вв., и роль, которую играли в их становлении и развитии этнокультурные контакты и заимствования, дается анализ в этой связи роли торговли и торговых путей в регионе в XI-XIV вв.

Особое внимание было уделено технологии производства ряда бытовых и ювелирных украшений в связи с их интерпретацией и происхождением (чернь,

таушировка). Изучение комплексов серийных украшений позволило утверждать, что в казанском Поволжье к XII в. сложился на основе нескольких этнических традиций костюмный комплекс отличавшийся от славянского, угорского и тюркского и вместе с тем ставший своего рода вариантом прикамско и поволжско-финского.

Четко выделяются приоритетные направления ремесленного производства, особенно, в сфере городского ремесла. Так ведущая роль в изготовлении предметов вооружения принадлежала городским ремесленникам. Именно здесь применялись сложные технологические комбинированные схемы в изготовлении оружия ближнего боя, как, например булав и кистеней, защитного вооружения, часть образцов которого (например, лицевые маски) заимствовалась у кочевников или у русских воинов. В целом импорт предметов вооружения был не редким. Именно благодаря ему у болгар появился пластинчатый панцирь, каролингские мечи, хотя ареал распространения импортируемых изделий был гораздо шире включая и территорию Приочья – мордовские земли. Под влиянием сибирских образцов начинается производство сабель. Происходит и определенная модификация топоров. В русле общеевропейских традиций развиваются наконечники копий и дротиков. Более динамично складывался ассортимент железных наконечников стрел, хотя определить ведущую роль здесь городских и сельских ремесленников довольно затруднительно.

Выделено 9 комплексов наконечников стрел. Их изучение показало, что часть их оформилась на местной основе как результат развития системы болгарского вооружения, а часть в результате заимствования. Следствием первого фактора стало развитие универсальных по применению наконечников стрел с общей тенденцией к утяжелению веса ударной части (восьмой и девятый комплексы). Эти наконечники составляют значительную часть коллекции.

Результатом этнических контактов и стимулирования традиционных форм хозяйства стало формирование локальных комплексов наконечников (вероятно, связанных с природными особенностями конкретного района или местности и условиями охотничьего хозяйства). Примером такого рода могут быть первый и второй комплексы наконечников.

Своеобразным характером отличается четвертый комплекс, основа которого сформировалась в местной среде (наконечники для самострелов, предназначенные для охоты на крупного зверя) и развивалась под влиянием привозных образцов (наконечники к боевым самострелам (арбалетам?)).

Не позднее первой трети XI в. начинает развиваться набор наконечников, включенный нами в третий и частично пятый, шестой и седьмой комплексы. В их числе

плоские наконечники пятиугольной формы, срезни низких пропорций, объемные наконечники долотовидной формы, а также небольших размеров наконечники ромбических очертаний. Эти типы наконечников имеют явные параллели с комплексом вооружения (в том числе и наконечников стрел) аскизской культуры. Параллельно с этим здесь ощущается и общая тенденция, прослеживающаяся по комплексу вооружения кочевников восточноевропейских степей (прежде всего половцев). Это относится в основном к распространению плоских наконечников пятиугольной формы. Долотовидные наконечники встречены и на древнерусских памятниках, что позволяет предполагать параллельный ход развития некоторых наиболее оптимальных типов вооружения и его частей. Могильники XII-XIII вв. поволжских финнов дают устойчивые комплексы железных наконечников стрел с упором (преимущественно плоского сечения) и наконечников без упора.

Выборка из 956 болгарских наконечников стрел с поселений свидетельствует, что наиболее многочисленные серии наконечников и их типологическое разнообразие приходится на промежуток начала XI- первой половины XIII в. Если в конце X в. их 212 (22%), то в XI в. уже 763 (80%), чуть больше в XII в. – 786 (82%); в последующем столетии их 602 (63%) и в XIV в. – 187 (20%) экз.

В отдельное производство выделилось изготовление седел, сбруйных и уздечных принадлежностей. Управление лошастью осуществлялось с помощью уздечки с металлическими грызлами и стержневидными псалиями, стремян, крепившихся к седлу с высокой передней лукой и плетки. Рассмотрено несколько типов уздечки имеющих различные истоки.

Исследование костяных болгарских изделий показало, что массовое производство их относится к XI в. До этого использование кости не выходило за рамки подсобного промысла. Традиционная кость- и роогообработка продолжали сохраняться в болгарской области и в золотоордынский период, несколько адаптировавшись к новым потребностям и запросам. В формировании ассортимента костяных изделий прослеживается несколько линий.

Первая это хазарско-болгарская (VII-X вв.). Выражена она слабо – в основном в предметах связанных с всадническими аксессуарами и конской упряжью: роговые псалии, роговые емкости, детали сложносоставного лука, вероятно астрагалы для игры в «бабки», роговые острия и т.п.

Вторая линия - это кипчакская домонгольская (вторая половина XI – начало XII в.). Включает она в себя в основном детали украшения и детали вооружения всадника –

накладки на сложносоставной лук, колчаные и налучные петли, подвески на упряжь и т.п.

Третья линия – пермско-финская и славянская² (X- XIII вв.). С ней связаны комплексы бытовых изделий и предметов гигиены – гребешков, копоушек, кочедыков, рукояти шильев, подвесок-ложечек, амулетов-натуралиев, блоки для подвески ремизки ткацкого станка и др.

Четвертая линия – угорская (VIII-XIII вв.). Представлена она отдельными изделиями: накладки на запястье, некоторые типы игольников.

Пятая линия – кипчакская золотоордынская (вторая половина XIII- XIV вв.). Это детали костюма – реплики изделий из драгоценных металлов или их заменители из дорогой кости, складные весы для мелких взвешиваний, накладки на колчан, шахматы и шашки (некоторые типы их могли появиться и в более ранний период).

Собственный болгарский комплекс костяных изделий сложился в XI-XII вв. из эволюционировавших на местной почве форм заимствованных изделий с одной стороны (рукояти ножей и шильев), и развития традиционных для нескольких этнических компонентов Волжской Булгарии изделий личного пользования (гребешки, амулеты, копоушки, игольники) с другой стороны. Инновации в ассортименте в большей степени касаются предметов вооружения и снаряжения коня и всадника, приспособлений для специализированных отраслей производства и быта (коневодство, торговля).

В золотоордынское время ремесло и культура болгарского города периода носило «имперский» отпечаток. Элементы городского костюма складывались из общеимперских канонов, как, например, головные уборы с металлическими наверхиями (Крамаровский М.Г., 2001). В употребление входят серьги в виде знака вопроса, вытесняя бытовавшие ранее комплексы височных украшений. Существенно меняется весь набор украшений состоятельных горожан; шире распространяются культовые предметы (мусульманские, христианские).

В ремесле Прикамья в золотоордынский период болгарские традиции сереброделия получили новый стимул к развитию на основе художественных образов населения Предуралья и Зауралья (например, развитие сюжетов так называемых блях «с сокольничими»). Из украшений эволюционировавших и развивавшихся с домонгольского времени в употреблении можно отметить лунницы, а также шумящие подвески.

² Многие предметы имеющие аналогии в русских древностях встречены в материалах финских памятников Прикамья и уверенно связать их только со славянской традицией было бы не корректно.

Булгарский городской костюм в золотоордынское время потерял практически все свои составляющие предшествующего времени: шейные серебряные гривны, ожерелья с подвесками, витые браслеты, характерные перстни с чернью. В целом стоит отметить, что если искусство чернения известно в Золотой Орде, то на периферии империи это искусство практически прекратило существовать. Чернь на серебре применялась в украшении пластинчатых браслетов, культовых изделий, но это скорее исключение, чем правило и, видимо, связано с импортом из волжских или крымских ордынских ремесленных центров. Стоит отметить, что традиционные формы ряда украшений (например, филактерии) устойчиво сохраняются с домонгольского времени (Спасский клад 1869 г.).

Этнические элементы проявляли себя и в сфере украшений костюма: так, на «львиноголовых» браслетах появляется имитация веревочки, да и сами львиные личины приобретают черты стилизованного орнамента. На серебряных браслетах эти мотивы выражены не так ярко, как на литых бронзовых браслетах – подражаниях серебряным изделиям.

Центры производства серебряных «львиноголовых» браслетов, видимо, были распространены весьма широко и не ограничивались Поволжьем (Крамаровский М.Г., 2001), хотя и в Болгарах такие изделия могли изготавливаться. Анализ деталей изображений: надбровных дуг, орбит, носа, «подушечек» усов позволяет датировать большую их часть концом XIII – XIV в.

Прогрессивные технологии городского ремесла ярко выразились в массовом производстве чугунной посуды, преимущественно котлов. Модифицировались медные котлы (типы М-9-М-12), без особых внешних изменений (кроме объема) бытовали медные кумганы (тип 1).

Парадная металлическая посуда (чаши, кубки, блюда) в основном была привозная (Восточный Иран) (типы 7-10). Под воздействием мусульманских ремесленных традиций в Булгаре производятся кумганы и ковши, технологически аналогичные медной бытовой посуде, но украшенные восточным орнаментом. Высказанное мнение о булгарско-ордынском центре производства художественной металлической посуды в конце XIII- XIV в. пока не подтвердилось.

Из мелких бытовых предметов были типичны миниатюрные бронзовые замки в виде фигурки лошадки, а также пользовавшиеся большим спросом бронзовые зеркала. Зеркала, судя по литейным формам, найденным в Булгаре, изготавливались непосредственно здесь.

На ордынской периферии резко сокращается производство предметов вооружения. Нет достоверных сведений об изготовлении защитного вооружения: использовавшиеся шлемы и панцири в основном иранского и нижневолжского производства.

В Булгаре могли производиться амуниция и оружие легковооруженного воина (лучника): луки с костяными накладками, костяные перстни для стрельбы. В ассортименте кузнецов Булгара были железные наконечники стрел, преимущественно II, V и VI групп, наконечники пик. Последние изготавливались и на селе. В связи с этим отметим, что типологическое разнообразие костяных изделий существенно сузилось и стало менее выразительным. С другой стороны, обработка кости и рога заняла свое место в специализированном производстве, например, в изготовлении колчанов и художественно выполненных накладок к ним.

«Интернационализм» городской культуры неизбежно оказывал влияние и на сельскую округу. Новые тенденции в развитии общественных отношений коснулись села. Заметно меняется характер поселений и их функции. Практически каждое крупное сельское поселение имело четко выраженную как территориально (расположенный на отшибе, как правило, у реки), так и по составу находок, - усадьбу кузнеца или целый кузнечный двор (селища Дамба II, Коминтерновское III). Причем, все эти центры были во многом автономны, т.е. «варка» железа, выделка уклада и последующий процесс изготовления заготовок и самих изделий совмещались в едином месте. Разнообразится и процесс «варки» железа, в частности, распространяется ямный и горшковой способы. Кстати, последний способ был известен и в домонгольской период. Изменения в этой сфере нередко имели и этнические причины, связанные с переселением нового населения.

Торговля была связующим звеном в экономике Булгарии, которая напрямую была связана с импортно-экспортными операциями. Эта зависимость булгар от внешних торговых связей стала роковой для болгарской экономики после монгольского нашествия и впоследствии при распаде Золотой Орды, когда вторично сложившаяся торгово-экономическая структура оказалась разрушенной. Торговля анализировалась по нескольким направлениям. Это товар, его ассортимент, торговое поле, потенциальное и целевое. Особое внимание было уделено анализу потребительского рынка и жизненному циклу товара.

Исследование болгарской транзитной торговли в XI-XIII вв. в отношении ближайших соседей показало, что основным потребителем импортных товаров шедших через булгар была с одной стороны состоятельная часть общества-экспортера и с

другой стороны определенная возрастная категория наиболее дееспособная и активная этого социума.

Кроме того, было установлено, что в потребительский стандарт финских племен Волго-Камья практически не входили товары кратковременного пользования и товары повседневного спроса; преобладали гетерогенные товары предварительного выбора и товары особого спроса. К числу первых относятся украшения костюма и прически, аналоги местным, но выполненные на более высоком технологическом уровне. Ко вторым – предметы социального престижа – украшения из стекла и полудрагоценных камней (стеклянные и каменные бусы), шиферные прясла, ткани. Кроме того, сюда же стоит отнести оружие, навесные замки и чаши. Последние, как и украшения и ткани, использовались в качестве сопроводительного или поминального дара в ритуальных церемониях.

Жизненный цикл товара был равен жизни одного-двух исторических поколений и составлял 18-35 лет. Учитывая, что социум состоял из нескольких возрастных классов, то спрос на товар предварительного выбора был стабильным. Причем, судя по устойчивости типов импортных украшений и традиционности их в ансамбле костюма, ассортимент предлагаемых украшений был достаточно определен, что собственно говорит о выдержанной товарной линии и сложившемся классе товаров, состоявших из устойчивых товарных единиц. Можно определять и наличие своего рода прообраза современной товарной марки.

Характер торговых взаимоотношений был строго выверенным и вряд ли строился на отношениях подчиненности. Обмен товарами осуществлялся путем взаимных контактов. Это обстоятельство делало его стабильным и являлось немаловажным стимулом развития болгарского ремесла. Было еще одно обстоятельство, которое играло весьма значительную роль. Это то, что периферийные области болгарского государства и чересполосно центральные районы были заселены финскими народами – марийцами и удмуртами, так что товары импортируемые также находили возможности для реализации и на внутреннем рынке.

После монгольского нашествия весь этот достаточно разветвленный торговый рынок перестал существовать. Территория Волжской Булгарии полностью вошла в состав Золотой Орды и стала частью ее экономической структуры. Единое политическое и экономическое пространство способствовало активному движению товаров, что хорошо фиксируется по находкам золотоордынских монет. Развившиеся ордынские ремесленные центры на периферии дополняли, а порой и вытесняли товары столичных ремесленников.

В XIV в. традиционное направление международных торговых путей, (преимущественно восточное) сохранялось с домонгольского времени. Сохранялся, очевидно, и заказ на поставку товаров особого спроса, как в болгарскую область, так и в регион в целом. Вместе с тем была потеряна индивидуальность собственно болгарского ремесла. Возможные изделия болгарских ремесленников во многом повторяют сюжеты и композиции восточных и ордынских прототипов. Таким образом, импорт ремесленных и художественных изделий стал основой для создания болгаро-ордынского стиля.

Анализ ремесленной продукции и технологий позволил установить, что ведущим направлением в развитии ремесел в Волго-Камье являлась с одной стороны эволюция основных производств (в рамках традиционной культуры) соответствующих экономическим потребностям общества, а с другой это расширение ассортимента продукции и освоение новых технологий в контактных зонах. Причем главным здесь было наличие этнического носителя (ремесленника). Исчезновение этнической основы вело либо к свертыванию производства, либо к трансформации морфологических признаков изделий и, как правило, их функционального назначения. Импорт ремесленной продукции был достаточно определенным и состоял из устойчивых товарных единиц, что предполагает местное изготовление большей части изделий массового спроса и этнических украшений костюма.

В **четвертой главе** *«Взаимодействие тюркских культур Евразии в первой половине II тысячелетия н.э. (аскизский пласт древностей)»* комплексно анализируются аскизские находки и изделия аскизского круга в Волго-Камье, дается их систематизация, анализируются вопросы происхождения, развития этого этнокультурного комплекса в XI-XIV вв., а также ставится вопрос о времени и характере распространения его в Восточной Европе.

Анализ типологического состава находок показал, что основной состав предметов аскизского круга связан с изделиями бытового, промыслово-охотничьего и военного назначения. Причем, практически во всех пунктах они заменяют, а местами почти полностью вытесняют предшествующую им в X в. бронзовую гарнитуру и аксессуары местного производства. Территория распространения изделий аскизского типа и их разновидностей охватывает территорию расселения мордвы-эрзи, муромы, хазарско-болгаро-мордовского населения Посурья, собственно Болгарии, часть марийских племен и северных удмуртов.

Типологически выделяются комплексы аскизские, болгаро-аскизские, сурско-аскизские. Отличия европейско-аскизского (сурского) и болгаро-аскизского, как и

сурско-аскизского только в одном – в использовании в качестве элемента костюмного комплекса (в болгаро-аскизском вариантах).

Применение бронзовых украшений пояса, сбруи и портупей сохраняется на Верхней Каме и в Зауралье. Здесь изделия аскизского круга не известны или встречаются единично.

В болгарских материалах присутствуют непосредственно аскизские вещи, а большая часть прототипов железной гарнитуры имеет сибирские истоки. Местные варианты вещей – болгарско-аскизские, и бронзовые аналоги им, а так же серия бронзовых украшений копирующих декоративные детали этого направления возникли на аскизской основе. Стоит отметить и тот факт, что ряд деталей болгаро-аскизских вещей явно несет следы восточноевропейского происхождения. Это относится к декоративным колечкам на накладках, использования зонального членения плоскости изделия, преобладания объемных элементов в сочетании с шарнирными соединениями. Истоками такого рода деталей могли быть салтовские традиции в оформлении накладок.

Время когда происходило заимствование аскизских изделий можно определить концом X – началом XI в. В XI в. центром массового производства изделий аскизского круга в Волго-Камье является территория Средней Волги: междуречье бассейнов Суры и Шешмы с запада на восток и Казанки-Самарской Лукой, с севера на юг, захватывая часть нижнего течения Камы, до р.Чепца. Естественно, что эти предметы производились не на всей указанной территории, а в ремесленных центрах.

Локальные места изготовления таких поделок на сегодняшний день выявлены по находкам заготовок и полуфабрикатов изделий, а также соответствующего инструментария. Это Биляр, селища низовий Камы (Чакма, Мурзихинское) в Булгарии, Золотаревское поселение в Посурье, Иднакар в Прикамье. Функционировали эти мастерские в XI-XII вв.

Местные традиции дали толчок к складыванию своеобразных черт болгаро-аскизских изделий (выраженный объем изделий, выборка металла изнутри, наличие декоративных поясков-пертяжек, отсутствие сплошного покрытия серебром или золотом, набор изделий с шарнирными соединениями). Анализ имеющихся материалов позволяет предполагать, что болгарский вариант аскизских изделий стал распространяться в восточном и западном направлениях не позднее начала XII в. Не исключено, что контакты аналогичные вышеописанным имели место и в XII в. Послемонгольский аскизский импульс в северные районы дал достаточно ограниченный набор предметов, не типичный для раннего периода.

Исследование этого материала в региональном контексте показало, что распространение аскизского комплекса в Волго-Камье в XI в. и начало формирования местных акскизидных форм связано с влиянием непосредственных носителей аскизской культуры. Видимо аналогичный характер имел второй импульс начала XIII в., хотя использование аскизской железной гарнитуры и деталей конского убранства и упряжи могло быть связано и с другими этническими носителями в составе монгольских войск.

Анализ опубликованных материалов полученных при исследованиях могильников башкирского Предуралья (угорских или, по Н.А.Мажитову тюркских) и Среднего Поволжья, связываемых с уграми, печенегами, огузами и кимако-кипчаками показал, что здесь аскизские вещи не встречаются. Сходные по внешнему виду отдельные типы пряжек, находятся вне аскизского комплекса и в другом археологическом контексте.

Теоретически присутствие огузских материалов в болгарских древностях можно было предполагать по данным средневековых письменных источников, и учитывая господство этих племен с 70-х гг. IX века и до 50-х гг. XI века в восточноевропейских степях. Археологические подтверждения этому есть. По данным Е.П.Казакова огузское или печенежское погребение (№623) исследовано на Танкеевском могильнике в Татарстане. На болгарских поселениях присутствие этого этнического компонента диагностировано по II этнокультурной группе керамики, выделенной Т.А.Хлебниковой и датированной X – XI вв. В коллекциях с Билярского и Болгарского городищ известны единичные предметы, которые можно атрибутировать как огузские. К ним относятся бляха-решма, стилизованная птицевидная накладка. Можно усмотреть и другие следы огузского влияния на болгар. Однако собственно в огузско-торческих материалах X-XI вв. аскизских изделий нет.

Видимо, огузы в болгарском пограничье остались и в период половецкого господства, кочуя к югу и юго-западу от болгар. Об этом говорят отдельные погребения в районе Самарской Луки (Сташенков Д.А., 1999) и, видимо, захоронения с конем в могильниках Притешья (Мартьянов В.Н., 2001). Отдельные находки типа лазуритовых подвесок и пронизок в женских ожерельях, встречающиеся в торческих (черноклобуцких) погребениях (например: Плетнева С.А., 2003), известны и на болгарских поселениях XI-XII вв. Близкие аналогии в деталях воинского огузско-печенежского снаряжения (костяные накладки на колчан и налучье), также имеются в болгарских материалах. Не исключено, что болгарская территория (юго-восточные

районы) видимо, имела свою «буферную зону» из гузских кочевий и оседлых (земледельческих) поселений.

По материалам анализа болгарской керамики, Т.А.Хлебникова и Н.А.Кокорина предполагают, что весомый этнический компонент в Волжской Булгарии домонгольского и затем ордынского времени составляли кипчаки/половцы (по мнению Н.А.Кокориной кипчаки-шары). Диагностируют они его по лепной или подправленной на круге керамике XIII этнокультурной группы (тип «джукетау»). Интересно отметить, что в массовом порядке эта группа керамики появляется в конце X – начале XI в. Этот керамический комплекс вполне сложился у болгар, к тому времени, когда происходит распространение аскизских изделий.

Тем не менее, опубликованные материалы из раскопок половецких погребений XI-XIII вв., не содержат характерных аскизских изделий. Исключение составляют погребения Азнаевского комплекса в Башкирии (Яминов А.Ф., Гарустович Г.Н., 1999). Однако этот материал не опубликован, и делать выводы преждевременно.

Обращает на себя внимание и следующий факт. В конце XII – начале XIII в. (вероятно со второй волной изделий аскизского облика) в Волго-Камье отмечено появление нескольких новых типов поясной гарнитуры. Это накладки и пряжки с «рубчатым орнаментом» и фигурным краем. Аналогии им есть в памятниках приамурских чжурчженей (Шавкунов Э.В., 1990). Такие же аналогии можно привести и для одной накладки с фигурными краями и прорезью для ремня, а также фрагментам пряжек оригинальной формы. Последние пряжки имеют латунный (?) щиток и железный язычок.

Видимо, к этому кругу древностей относятся находки в Урало-Поволжье нескольких фигурок *джайнистских бурханов*. Вероятно, все они изготовлены в 30-70-х гг. XII в (на двух из них имеются даты изготовления: 1128 и 1169 г.). Найдены они в Саратовской области (Острая лука на р. Иргине), Бугульминском районе Татарстана (с. Верхняя Кармалка), на Урале (г. Троицк) и в Воронежской губернии. Представляется возможным рассматривать появление этих статуэток и оригинальных бронзовых наборов, как маркер начала новой эпохи монгольских завоеваний и миграции племен на запад. Продолжением этого стало появление сибирских аскизских комплексов (в том числе и на Золотаревском поселении), явившееся тоже следствием монгольских завоеваний, но уже Хакасии.

В связи с этим интересно отметить, что на древнерусских памятниках встречаются аскизские изделия в слоях с датировкой, начиная со второй половины XII в. (Кызласов И.Л., 1998), а также XIII-XIV вв. Иногда из раскопок на древнерусских

поселениях происходит аскизский комплекс золотоордынского времени, но содержащий вещи, изготовленные в XII в., как, например, находки с селища Настасьино в Подмосковье (Двуреченский О.В., 2004).

Таким образом, распространение аскизских изделий в Волго-Камье и эволюция их в регионе имела этническую основу. С угасанием этнического импульса или его новой вспышкой фиксируется в Поволжье и Предуралье новые аскизские комплексы, соответствующие хронологическим этапам аскизской культуры Южной Сибири. Такого рода интерпретация имеющихся материалов косвенно подтверждается и исследованием распространения материалов связанных с тюркскими кочевниками. Парадоксальность ситуации заключается в том, что если в болгарских древностях XI-XII вв. их присутствие как этнических носителей фиксируется на массовом материале (керамика), то в других категориях находок их следы не выразительны или вовсе отсутствуют. Вместе с тем, в XIII-XIV вв. наличие кипчакских комплексов (возможно и других тюркских кочевых групп) в Казанском Поволжье ярко выражено.

Очевидно, что механизм заимствований и этнокультурного взаимодействия кочевого и оседлого населения имел существенные отличия. Но, тем не менее, ведущим фактором и здесь было наличие этнического носителя новых традиций. Соотношение этнических составляющих в рамках социо-политической системы могло активизировать или наоборот заглушить те или иные элементы традиционной этнической культуры привнесенные или бытовавшие здесь.

В пятой главе «*Волжские болгары, и финно-угорское население Волго-Камье в первой половине II тыс. н.э.*» делается попытка выделения этнотерриториальных групп болгар в XI-XIII вв., анализируются данные связанные с финно-угорским компонентом в болгарской культуре XI-XIII вв., а также исследуется вопрос о их роли в сложении болгарской культуры домонгольского времени и влиянии на облик периферийной золотоордынской культуры в болгарской области³.

В добулгарский период финно-угорский мир был определяющим в этнических процессах в Волго-Камье. К моменту образования болгарского государства, финноязычные народы региона имели сформировавшуюся экономическую структуру, соответствующую уровню развития общественных отношений и производительных сил, поэтому их роль в последующем развитии этнокультурных процессов была весьма значительной.

³ В этой связи затронута проблема о славянском компоненте в материальной культуре памятников Волго-Камья в XI-XIV вв., достаточно полно освещенная в археологической литературе (Л.Д.Макаров, М.Д.Полубояринова).

Исследование специфики материального комплекса болгарских памятников выделенных в условные археологические провинции показало, что болгарская внутренняя колонизация была направлена, прежде всего, на земли уже освоенные и заселенные финноязычными племенами. Это стало существенным стимулом для развития болгарского ремесла и торговли. Угорские племена составили одну из этнографических групп населения Волжской Булгарии. Часть угорских племен располагалась в болгарском восточном пограничье.

Исследование финно-угорского компонента в болгарской и золотоордынской культуре XI-XIV вв. показало, что он фиксируется в общеполгарском вещевом комплексе, а также в виде самостоятельных «этнических» элементов культуры. Это касается древностей прибалтийских, поволжских и прикамских финнов. Не менее тесные связи прослеживаются с угорским населением Предуралья. С уграми и самодицами Зауралья можно предполагать опосредованные связи, хотя находки из этого региона также представлены в Волго-Камье.

Особенностью ордынского времени является активизация процессов миграции и ассимиляции практически на всей территории входившей в состав Улуса Джучи. Причем в Волжской Булгарии это распространилось как на города, так и на сельскую местность. К основным этническим составляющим населения болгарской земли кроме самих болгар добавился в конце XIII в. финно-пермский пласт, четко выделяющийся по керамике (XVIII этнокультурная группа по Т.А.Хлебниковой). В XIV в. происходит включение славянского и финно-славянского компонента, а также мордвы. Мордовские археологические комплексы встречаются на болгарских селищах и городищах.

В болгарской материальной культуре домонгольского и ордынского времени четко выделяются этнические финно-угорские комплексы и вместе с тем ряд гибридизированных изделий возникших как развитие на болгарской почве финских и угорских мотивов. Для доказательства этого тезиса был рассмотрены ювелирные изделия болгарского производства. Выделено несколько групп изделий. *Первая – шейно-нагрудные украшения.* Они встречены в виде цепочки с подвесками в виде “желудей” и в виде плетеного из спаренных проволок обруча. Такие изделия в Уральском регионе немногочисленны. *Вторая группа - украшения рук.* Это браслеты и перстни. Браслеты либо плетеные из нескольких спаренных проволок либо пластинчатые. Последние характерны более для ордынского времени. Ни тех, ни других в массовом порядке на памятниках Приуралья так же нет.

Перстни с чернью и без нее достаточно стандартны как по форме, так и по оформлению. Основные орнаментальные сюжеты на них: крин и его варианты,

плетенка (“узел счастья”), птичка, и стилизованные растительные мотивы. Характерная композиция: разделенное пополам поле с симметрично расположенными растительными побегами. Такие перстни не характерны для находок вне территории Болгарии. Близкие по исполнению перстни отличаются по декору. Перстни со вставками как правило имеют обрамление из крупной зерни.

Технология изготовления перстней с чернью и их украшения исследована в отношении высказанных в литературе мнений о типичных чертах болгарских черневых изделий. Гравированный рисунок на них выполнялся инструментом аналогичному современному шпичштихелю. Чернение наносилось на рисунок, на фон и рисунок или только на фон. В случае когда чернение наносилось и на фон и на рисунок, то рисунок в этом случае занимал большую часть поверхности щитка и собственно широкая гравировка рисунка и давала выбранный фон. Там где рисунок был меньше поля щитка то фон не выбирался. Случаев золочения прочерченного рисунка не отмечено. Отметим, что технология нанесения одинакового орнамента могла иметь различия.

Третья группа - детали конской упряжи изготовленные из серебра с чеканным узором. Они встречены трех типов. Первый – это круглые подвески с ушками-зажимами имевшие отдельное крепление. Сочетаются с ними подвески-бубенчики также круглой формы с чеканным узором. Второй тип - цельная подвеска с прикрепленными пластинчатыми подвесками с чеканным орнаментом. Третий тип – цепочка с подвесками “желудевидной” формы.

Сопоставление болгарских изделий с находками в Прикамье и Зауралье позволило высказать гипотезу о существовании периферийного ювелирного центра или центров в Прикамье. Для X-XII вв. это могли быть центры на Чепце (Идна-кар?), несколько позже в XIV в. – Пермское Прикамье. Сходство и определенная степень родства в ювелирных украшениях Среднего Поволжья и Прикамья, частично и Зауралья как из драгоценных металлов, так и из бронзы объясняется тем, что население болгарского государства в этническом отношении было близко основному населению региона, а болгарский импорт был во многом ориентирован на определенную этническую среду.

Болгарская культура составляла сложную этнокультурную мозаику внутри которой *начался процесс* формирования оригинального стиля на основе синтеза местной и инокультурной (восточной и западной) традиции. В силу этого она не могла «присутствовать» или «влиять» на соседние области, поскольку составляла вместе с ними единое культурное целое.

Оригинальность болгарской культуры четко обозначилась как перспективная тенденция в городском ремесле и прежде всего в ювелирном деле. В XI-XII вв. она получает феноменальное воплощение в комплекте парадных женских серебряных (реже золотых) украшений, ставшей исключительной и оригинальной «культурной маркой» болгар. Оригинальность форм, композиции, технологического решения и сюжетного наполнения этого набора могло родиться только в культурной среде впитавшей самые разнообразные традиции, приемы и символы.

Развитие болгарской культуры с X в характеризуется эволюцией как общих культурных элементов в русле стадиальных изменений в ремесленных традициях и практике, общих на евразийском континенте, а так и этнических ее составляющих, совпадающих с процессами этногенеза и формирования специфических этнических черт волжских и прикамских финнов (мордвы, мари, удмуртов), а также этнокультурных процессов в тюрко-угорском пограничье. Усиление этнических черт материальной культуры в регионе с активным использованием болгарского базиса характерно для золотоордынского периода.

В итоге исследования в данном разделе мы пришли к выводу, что Волго-Камье в X – XIV вв. было зоной активных этнических и культурных контактов, оказавших существенное влияние не только на коренные народы края, но и на новообразованные этносы в рамках сложившегося государства (Волжская Болгария), включивших и значительный массив коренного финского населения региона. Разнообразие этнокультурных признаков в материальной культуре Волжской Болгарии сохранялась на протяжении более чем 400 лет, несмотря на нивелирующее воздействие государственной культуры Булгарского государства, Золотой Орды и ислама

Анализируя, в целом, этнокультурное взаимодействие кочевого и оседлого населения в Предуралье в XI-XIV вв. были выделены три этапа: первый этап - XI- XII вв.; второй этап - XIII - 1340-е гг.; третий этап - 1350-е – 1420-е гг.

В этой периодизации за основу взяты *этапы развития археологического предметного комплекса по культурным доминантам*. Так для первого этапа выделено появление в регионе аскизских изделий, вытеснение бронзовой гарнитуры железной и развитие новых технологий; для второго этапа складывание общеимперской золотоордынской культурной традиции в ремесле, быту и украшениях; для третьего этапа – развитие интеграционного комплекса тюркского населения с непрочной оседлостью (татар) и оседлого населения региона в «татарской земле».

Итогом этого анализа стал вывод о том, что взаимодействие кочевых и оседлых культур в урало-поволжском регионе в начале II тыс. н.э. носило не поступательный, а

циклический характер, переживая периоды спада и подъема. Решающим фактором этнокультурных процессов в XI- начале XIII в. и культурных трансляций являлась субстратная основа (финская в регионе). Инновационный процесс был тесно связан с динамикой и интенсивностью торговых путей, а также характером этнических контактов (ассимиляция, интеграция и т.п.) в контактной зоне.

В конце XIII – XIV вв. на территории бывшего болгарского государства складывается *периферийная ордынская культура*. Особенностью ее было наличие как «имперских» или «династических» черт присущих материальной культуре города, как-то распространение определенного типа костюма и его аксессуаров, прически, предметов вооружения и конского убора, так и местных культурных элементов, заметно усиливавшихся в период наибольшего расцвета государства (например захоронения в «Ханской усыпальнице» в Болгарах). Специфику ей придавала и новая система территориально-экономических связей и определенный этнический «колорит», прежде всего среди поселений не городского типа, выразившаяся в следующем:

1. «Укрупнение» размеров поселений (селищ) по площади и сокращение их в количественном отношении;
2. Территориальная обособленность;
3. Экономическая автономность, и одновременно, интегрированность в общую экономическую систему государства;
4. Эклектичность и многокомпонентность основных составляющих материальной культуры, причем, чем ближе располагалось селище к городу, тем ощутимее становилось влияние ремесленной городской культуры (Кожаевское IV селище, Билярское III и Балынгузское селища и чем удаленнее от него тем менее оно ощущалось (селище Чакма и Песчаный остров);
5. Элементы «династической культуры» более всего распространяются в высших слоях оседлых обществ, причем в ордынское время здесь диагностирующими могут считаться только единичные явления – крой костюма, система декорации пояса и некоторые аксессуары, и предметы оружия и конского убора. Местные традиции при сохранении основных тенденций домонгольского времени обогащаются «модными» предметами – украшениями, прежде всего это мелкие детали, в основном бижутерия: браслеты, серьги, зеркала.

Более существенной стороной проблемы стала формирующаяся новая культурная традиция, – определенная общность мифологических представлений. Тиражирование определенных художественных сюжетов имевших общедоступную семантическую нагрузку стало одним из характерных признаков культуры болгарской

окраины ордынского государства. Та легкость, с которой новые инородные элементы проникали в мир сельского оседлого населения, как на уровне элементов бытовой культуры, так и на уровне этно-культурном (включение представителей иного этноса на равных правах в сферу «загробного», т.е. захоронения на одном сельском кладбище) была общими тенденциями развития социума этой части ордынского государства.

Кочевой элемент ощутимо прослеживается на памятниках Казанского Поволжья только с XIV в. в виде локальных этнических группировок сложившейся к концу столетия в территориально-этнический массив («татарская земля») и отдельных кочевнических захоронений в городских некрополях. Вместе с тем, фиксируется симбиозный пласт элементов оседлой культуры не типичной для Волго-Камья (например, дома с подпольным отоплением в Болгарах). Вторая тенденция это активные процессы внутренней миграции, особенно верхнекамского и поволжско-финского (мордовского) населения.

Комплекс археологических признаков «татарской земли» включает в себя как материалы могильников и отдельных захоронений, так и поселений. Эти данные сопоставимы со сведениями из летописных источников по событиям второй половины XIV – начала XV в.

По археологическим данным можно выделить несколько этнографических районов, где проживало как оседлое, так и кочевое население. Это курналинско-камский район (Песчаноостровной могильник, селища Дамба I,III) и балымероволжский (Балымерский курганный могильник и Полянское селище). Территориально их можно ограничить следующим образом.

Ядро первого района составляла территория поймы Камы от слияния Курналинки и Архаровки и по течению Курналинки до начала надлуговой террасы. Здесь на гривках располагались как курганные могильники (Песчаный остров), так и одиночные курганы, возможно впускные в курганы эпохи бронзы. Следы их были выявлены разведками Т.А.Хлебниковой (ей было зафиксировано несколько разрушенных погребений без вещей у с. М.Курнали). В 2002 г. между Песчаным островом и р/п Алексеевское было зафиксировано разрушенное женское захоронение с вещами, близкое тем, которые были исследованы на Песчаном острове.

Западную границу этого района можно условно определить погребением у с. Лебедино; северную – погребением на Рождественском могильнике и селищем Чакма; южную – селищем у с. Сухие Курнали; восточную – районом с.Алексеевское-Саконы.

Второй район имеет менее четкие границы. В него видимо входила пойменная часть Волги от Полянок (на месте бывшей д. Зеленовки известны находки предметов

вооружения) и до Болгар. Ядром территории были Балымери. Не исключено, что район перекочевки захватывал и центральные районы Закамья – Билярск и его округу.

Группа памятников в курналинско-камском районе имеет аналогии в археологических материалах нижней Волги (округа Царевского городища) и среднего Дона. Памятники второго района тяготеют к центру региональной ордынской администрации городу Болгару и имеет аналогии в материалах Западной Сибири и северного Казахстана.

Наиболее вероятным местом первоначального обитания населения оставившего памятники первой группы можно считать на сегодняшний день район Среднего Подонья. Здесь выделяется особый тип археологических объектов (прежде всего могильников) ордынского времени имеющий большое число соответствий в материалах камской группы некрополей. Обоснованно локализовать истоки памятников второй группы пока затруднительно.

Особенностью поселений как первой так и второй группы памятников является наличие своеобразного керамического комплекса, включающего сосуды славяноидных форм с примесью толченой раковины в тесте как круговых, так и правленных на круге (XVI ЭКГ), стандартный набор форм гончарной столовой посуды. Кроме того, на этих поселениях и в их окрестностях не редки находки чугунных котлов. Нумизматические находки, отмеченные здесь относятся к концу XIV – началу XV в.

Стоит отметить, что эти поселения, хотя они и синхронны могильникам, принадлежат в большей степени оседлому населению края сложившемуся из разных этнических компонентов на местной субстратной основе (Рождественское селище и могильник) во второй половине XIV в. Следями собственно кочевого населения оставившего указанные могильники были поселения без большого культурного слоя и фиксирующиеся в большинстве случаев в виде местонахождений.

В связи с этим стоит отметить и наличие отдельных мордовских захоронений на этой территории. Если на некрополях Болгара они занимают место непосредственно на кладбищах, выделяясь ориентировкой умерших и положением костяков (скорченные), причем непосредственно с самого городища происходит комплекс мордовских украшений (сюльгамы) то в сельской местности мордовские захоронения как правило обособлены и расположены в отдалении от мусульманских кладбищ.

Вблизи курналинско-камской группы у с. Рождествено, где известно захоронение кочевника на месте именьковского городища были зафиксированы следы разрушенных мордовских захоронений и собрана коллекция находок женских

украшений. Типологически они относятся к началу XV в., что подтверждается и нумизматическим подъемным материалом.

Несомненно, что эти археологические памятники явились предшественниками многих поселений второй половины XV в. Причем наблюдается динамика существования этих поселений: до середины XV в. они встречаются как в Закамье (Торецкое селище у Билярска, селище Красный Октябрь на р.Курналинке и т.п.), то во второй половине этого столетия они фиксируются в основном в пойме правобережья Камы, в приустьевой части и среднем течении ее притоков (Меши и Казанки). Часть поселений в Закамье прекращает существование в результате военного нападения (Торецкое селище) в 30-40-х гг. XV в.

В итоге проведенного исследования мы пришли к выводу, что взаимодействие кочевого и оседлого мира в Волго-Камье в средневековую эпоху было различным по своей форме и содержанию. Кочевники выступали как этнообразующие компоненты нового этноса (ранняя Волжская Булгария), как самостоятельные этнические группы в сложившемся этническом массиве будучи носителями собственной этнической культуры и посредниками в трансляции инокультурных явлений (период волжско-булгарский и Золотой Орды).

Однако закономерно и то, что элементы кочевой культуры практически не «прививались» у оседлого населения, за исключением того момента, когда они становились частью государственной культуры, как это произошло в период Золотой Орды.

Кочевая культура лишенная традиционной среды ассимилировалась и растворялась среди оседлого населения, сохраняясь лишь реликтами, либо подавляла островки оседлой жизни, регенерируя кочевой образ жизни и соответствующий природно-ландшафтный комплекс.

В **шестой главе** *«Формирование отношений религиозной и конфессиональной толерантности в Волго-Камье в XI-XIV вв.»* рассматриваются данные по языческим культам в Булгарии, а также их взаимодействия с мировыми религиями.

Многэтничный состав населения Волго-Камья нашел отражение не только в предметах быта, но и в духовной культуре. Веротерпимость была одним из основополагающих факторов стабильности в регионе и дальнейшего развития производительных сил. Данное явление рассматривается на примере Волжской Булгарии и болгарской области Золотой Орды. Весь материал распределен по нескольким темам. Это находки и памятники связанные с семейно-родовыми (включающими культ семейно-родовых святынь и культ предков) и аграрными

культами. Нами рассмотрены: 1) святилища; 2) могильники; 3) культовые предметы; 4) ритуальные культы и 5) символика украшений.

Применительно к рассматриваемым материалам можно предполагать наличие на болгарской территории существование мест поклонения природным явлениям и объектам, родовых святилищ на месте поселений (рядом с ними) (городище Гремячий Ключ) и малых городищ-святилищ (Тигашевское городище). Соотносятся с родовыми семейные святилища археологически которые диагностируются на сегодняшний день по находкам металлических идольчиков на болгарских поселениях. Выделяются племенные и территориальные святилища. Последним типом сакрального места является кладбище. К особой категории культово-поминальных памятников стоит отнести балбалы.

Материал для исследования происходит с разных памятников на территории Волжской Булгарии, рассредоточенных на достаточно большой территории, что является следствием неравномерного археологического исследования раскопками территории Татарстана. Основные данные по теме получены с памятников расположенных в бассейне Камы (в большей степени правобережья и поймы) и Волги. В меньшей степени представлены находки с центральных болгарских районов и периферии.

Концентрация такого рода материалов в северной части страны не случайна. Именно здесь четко обозначились контактные зоны культурного болгарского влияния, в том числе и господствующего религиозного культа с миром язычества. Активные процессы внутренней колонизации способствовали распространению в среде финского населения Предкамья. кроме стандартных форм гончарной посуды и ремесленного ширпотреба так же унифицированных форм погребальной обрядности.

Распространения мусульманства на языческой болгарской периферии было медленным и достаточно сложным процессом. Видимо этническое содержание стойко сохранялось не только в традиционном костюме, украшениях, амулетах, но и в «отклонениях» от мусульманской погребальной обрядности. Насколько это было характерным и как это выражалось на разных болгарских территориях по имеющимся сегодня материалам судить трудно.

Проанализированный материал позволяет предполагать не только длительный период существования языческих культовых мест, связанных как с пестротой этнического состава болгарского государства домонгольского времени, и в период Золотой Орды, но и определенными процессами трансформации языческих культов в позднесредневековый период.

Мусульманская религия в Булгарии уживалась с многочисленными языческими культурами, которые подпитывались народными поверьями и обрядами. Это не случайно, поскольку родовые традиции прочно сохранялись по данным этнографов в быту татар, даже в качестве этнотопонимов они фиксируются специалистами. Конечно же, господствующим мировоззрением в средневековую эпоху в центральных районах Среднего Поволжья (территория Волжской Булгарии) было мусульманское. Но, тем не менее, становится очевидным, что полиэтничное население государства во многом сохраняло региональные особенности своей культуры, в том числе и в мировоззрении.

Несмотря на мусульманизацию и христианизацию традиция сопровождать умершего необходимыми в загробном мире предметами в XI-XIV вв. в болгарской погребальной обрядности не исчезла. Там где языческий мир был близок, сохранялся как порядок расположения предметов (Елабужский II могильник), так и половозрастные отличия в ассортименте вещей и их деталях (чияликские могильники Восточного Закамья (Казаков Е.П., 1978)). Сохранялись и элементы культа огня. Эти черты оказались наиболее устойчивыми в традиционной погребальной обрядности.

Влияние монотеистических религий в Прикамье и Ветлужско-Камском междуречье сказалось на исчезновении таких форм погребения как частичная ингумация, кремация и частичная кремация (Никитина Т.Б., 2002). Даже в могильниках где новый обряд погребения проявлялся наиболее четко (например, Руткинской могильник), языческие ритуалы равноправно существовали и следы их фиксируются отчетливо.

Трансформация более всего коснулась, очевидно, поминальных ритуалов, во многом содержащих обряды языческих культов. В течение XI-XII вв. обычаи устройства жертвенно-ритуальных или жертвенно-поминальных комплексов упрощаются, приобретая иные формы и, прежде всего как поминальные дары. В целом, эта сфера является на наш взгляд одной из наиболее выразительных в отношении исследования традиционного мировоззрения. В мусульманских (по обряду) захоронениях различные традиции проявлялись в деталях классического ритуала: особенности погребальных конструкций и могильных ям, ориентация и порядок захоронения на кладбищах и расположение самих кладбищ.

Однако эти тенденции не были универсальными, а имели региональные и этнические особенности. Так у средневековой мордвы в XI-XII вв. фиксируется разнообразие конструкций могильных ям, исчезает обряд кремации (доживающий до XII в.), распространяются скорченные женские погребения (в большей степени у

мордвы-мокши). С XIV в. получают распространение подкурганые захоронения (мордва-эрзя).

Трансформация погребально поминальной обрядности у народов Волго-Камья происходила медленно, и в большей степени в связи с изменениями геополитической ситуации, связанной с передвижениями и миграциями различных этнических групп, но в любом случае сохраняя черты собственной этнической традиции, даже в условиях государственной монотеистической религии.

Из предметов бытовавших в домонгольской Булгарии выделяются культовые изделия связанные с мифологией финно-угорских народов, а так же некоторые категории предметов с широким набором функций в том числе и ритуально-магических. В числе последних отметим широко распространившиеся в регионе в X-XIV вв. металлическую посуду, а в золотоордынскую эпоху зеркала, браслеты с изображениями львиных голов и перстни. Тиражирование определенных художественных сюжетов имевших общедоступную семантическую нагрузку стало одним из характерных признаков культуры болгарской окраины ордынского государства. Та легкость, с которой новые инородные элементы проникали в мир как городского, так и сельского оседлого населения, и на уровне элементов бытовой культуры, и на уровне этно-культурном (включение представителей иного этноса на равных правах в сферу «загробного», т.е. захоронения на одном сельском кладбище) была общими тенденциями развития социума этой части ордынского государства.

Среди традиционных для населения региона следует считать культ животных. Выделяется среди них культ лошади. Причем, в болгарской среде культ коня имел большую специфику. В таком сочетании он не встречается ни где. Скорее всего, это связано с усложнением религиозных культов, обусловленных смешением различных традиций в ходе совместного проживания и метисации. Можно предположить, что это в своей основе шаманистские представления.

Представляется, что монотеистические религии хоть и стали ведущими в регионе с X – XI вв., но не отменили, а лишь видоизменили (во многом восприняв и адаптировав к своим потребностям) местные языческие воззрения. Языческая религия также оказалась весьма восприимчивой к новым религиозным течениям, особенно в условиях иноэтничной среды. В целом религиозный синкретизм в разных формах сохранялся на протяжении всей средневековой истории региона. Ведущую роль в языческом субстрате играла мифология крупнейших этнических составляющих региона – финно-пермская (удмуртская), поволжско-финская (марийская), тюрко-угорская и славяно-финская.

Ислам, а позже и христианство оказали влияние на обрядовую сторону языческих культов, но не смогли искоренить их. Это произошло очевидно в силу полиэтничности населения региона, веротерпимостью и многоверием в золотоордынской империи (до правления Узбека), сложном процессе исламизации в среде кочевых угров и тюрок во второй половине XIV в. в Улусе Джучи.

Заключение. Анализ имеющихся данных позволяет утверждать, что к XI в. сложилась ядро этнической болгарской территории, границы которой охватывали в основном земли Предволжья и Закамья. Расширение ее происходило несколько позже (в XII в.), постепенно, а видимо без смены этносов проживавших здесь ранее. Каков был характер этих процессов – ассимиляционный или интеграционный по имеющимся данным сейчас судить сложно. Вряд ли правомерно включать в состав болгарских земель Посурье и Прикамье, несмотря на очевидность множественных заимствований в материальной культуре, которые имели разный характер и происходили очевидно не одновременно и не одновременно. Кстати, они сами по себе представляют интереснейший феномен этнокультурного взаимодействия.

Учитывая характер археологического материала можно предположить, что содержание этнонима «булгар» к середине XI столетия утрачивает этническое содержание и становится политнонимом обозначая в целом людей проживающих на этнической территории Волжской Булгарии.

Торговля была связующим звеном в экономике Булгарии, как в домонгольский период, так и в ордынское время. Экономика болгар была напрямую связана с импортно-экспортными операциями. Особенностью болгарского городского ремесла являлось изготовление реплик высокохудожественных изделий восточного ремесла.

Насколько те или иные ремесленные традиции имели этническую окраску и в каком качестве они выступали как этномаркеры хорошо видно из анализа аскизского комплекса в Волго-Камье в XI в. и начало формирования местных аскизоидных форм. Первоначальный импульс аскизских изделий связан с влиянием непосредственных носителей аскизской культуры. Не исключено, что аналогичный характер имел второй аскизский импульс начала XIII в., хотя использование аскизской железной гарнитуры и деталей конского убранства и упряжи могло быть связано и с другими этническими носителями в составе монгольских войск. Феноменально и появление широкого круга изделий аскизского типа в болгарской среде и у пермских финнов.

Этот момент подтверждает и другой тезис, связанный с достаточно большим комплексом находок финского круга на болгарских памятниках. Он заключается в том, что болгарская внутренняя колонизация была направлена прежде всего на земли уже

освоенные и заселенные финноязычными племенами, что стало существенным стимулом для развития болгарского ремесла и торговли.

Угорский компонент ярко представленный в раннеболгарский период интегрировался во внутреннюю структуру болгарского объединения, где угры составили одну из этнографических групп населения Волжской Булгарии, впрочем выступая и как самостоятельные этногруппы на восточной границе болгарских земель.

Закономерен в этом отношении и вывод, что значительную часть общеполгарского предметного комплекса как и многие черты традиционной культуры имеют прототипы в финно-угорском мире. В целом, развитие болгарской культуры с X в характеризуется эволюцией как общих культурных элементов в русле стадийных изменений в ремесленных традициях и практике, общих на евразийском континенте, а так и этнических ее составляющих, совпадающих с процессами этногенеза и формирования специфических этнических черт волжских и прикамских финнов (мордвы, мари, удмуртов), а также этнокультурных процессов в тюрко-угорском пограничье. Усиление этнических черт материальной культуры в регионе с активным использованием болгарского базиса характерно для золотоордынского периода.

Волго-Камье в X – XIV вв. было зоной активных этнических и культурных контактов. Характер этих процессов определялся своего рода циклами внутри которых наблюдались спады и подъемы. Это было обусловлено с одной стороны внутренним социально-экономическим развитием коренных этносов региона, с другой стороны активным воздействием государства на этнокультуру как внутри себя, так и на периферии государства. Тем не менее на протяжении более чем 400 лет сохранялось разнообразие этнокультурных признаков в материальной культуре Волжской Болгарии. Этнические доминанты формировавшие структурообразующие элементы культуры и художественного стиля (угро-финская и тюркская в X-XI вв.; финская и тюркская в XII-XIV вв.) стали основой для культурного симбиоза в области материальной и духовной культуры. Принципы веротерпимости в полиэтничной среде были жизненно необходимы для поддержания устойчивого состояния социальной системы. Поэтому хотя монотеистические религии хоть и стали ведущими культурами в регионе с X – XI вв., но не отменили, а лишь видоизменили (во многом восприняв и адаптировав к своим потребностям) местные языческие воззрения. В целом религиозный синкретизм в разных формах сохранялся на протяжении всей средневековой истории региона.

Ислам, а позже и христианство оказали влияние на обрядовую сторону языческих культов, но не ставили своей задачей (по крайней мере не официально) полное искоренение их. Это произошло, очевидно, в силу полиэтничности населения

региона, веротерпимостью и многоверием в золотоордынской империи (до правления Узбека), сложном процессом исламизации в среде кочевых угров и тюрок во второй половине XIV в. в Улусе Джучи.

Выяснилось, что традиционные культуры средневековья обладают высоким «иммунитетом» к внешним воздействиям, реагируя (в археологическом выражении) как правило, на непосредственное этническое включение в субстратную основу с привнесением новых ремесленных традиций и навыков. Смена культурных доминант в области материальной культуры в Волго-Камье в XI-XIV вв. связана с процессами глобального характера (например, монгольское завоевание и образование Золотой Орды) с одной стороны и, с другой, с внутренним развитием местной этнокультуры и социальных отношений.

Новый этнос (каким являлась болгарская народность) оказывается зависимым от составляющих его этнических компонентов и во многом его эволюция определяется исходной субстратной основой. Условием устойчивости этой этносистемы является этнокультурная толерантность. Причем, заметно, что в материальной культуре такого этнообразования возникают замкнутые блоки отдельных направлений ремесленного производства, имеющие перспективы развития только в определенных условиях. Они могут быть устойчивыми к внешним факторам (болгарская круговая керамика), так и быстро разрушаться (например, болгарское стеклоделие домнольского периода). В золотоордынскую эпоху процессы этнокультурного взаимодействия приобретают иную направленность, хотя основные принципы, по сути, не меняются.

Таким образом, системный подход в исследовании процессов этнокультурного взаимодействия позволяет не только раскрыть специфику формирования традиционных этнокультур региона, но и наметить дальнейшие перспективы исследований в этом направлении. Следующим шагом может стать обоснование и разработка вариативной модели этно и культурогенеза в полиэтничном регионе, а также исследование адаптационных возможностей сложной многокомпонентной системы в различных условиях ее существования. Важной проблемой является изучение динамики и характера развития локальных вариантов этносистемы в рамках поселенческих агломераций разного типа, связи их с экономическим районированием и административно-политической структурой средневекового общества. Исследовательская база, полученная в ходе данного исследования, позволит разработать новые подходы, которые могут быть применены при решении вопросов связанных с генезисом и хронологией материальной культуры народов Волго-Камья,

рассматривать темы связанные с социально-экономической интерпретацией археологических данных.

Основные положения работы изложены в следующих публикациях:

Монографии

1. Руденко К.А. VI Алексеевское селище. Казань: «Репер», 2000. - 107 с.
2. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII – XIV вв. Казань: «Репер», 2000. - 155 с.
3. Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI -XIV вв. Казань: «Школа», 2001. – 244 с.
4. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2001. – 256 с.
5. Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991-1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002. – 208 с.
6. Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII – XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003.- 512 с.

Статьи

1. Руденко К.А. К вопросу об этническом составе и связях населения Волжской Болгарии в золотоордынский период (по материалам Лаишевского селища) // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции. Пенза, 1992.- С.81-84.
2. Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. / АЭМК. Выпуск 23. Йошкар - Ола, 1994.- С. 121-139.
3. Rudenko K. Metal ware of the finno-ugric peoples of eastern Europe and the transurals // Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae. Oulu, 1996.- P.299-308
4. Rudenko K. Suomalais-ugrilaiset elementit turkkilaisten valtioiden kulttuureissa 1100-1300-luvuilla jKr.// Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae. Oulu, 1996.- P.308-309

5. Руденко К.А. Металлические котлы из финно-угорских археологических памятников Поволжья и Приуралья V – XIV вв. н. э. (вопросы происхождения, использования и назначения) // Финно-угроведение, № 2, 1997.- С. 122-129.

6. Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993-94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Выпуск 1. Йошкар-Ола, 1998.- С.60-71.

7. Руденко К.А. Об одном рисунке на бронзовой чаше из древнемарийского Веселовского могильника // Финно-угроведение, № 1-2. 1998.- С.25-37.

8. Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии волжских булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII – XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica, 1998, № 1(2).- С.15-29.

9. Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология, № 1-2 (4-5). Казань, 1999.- С.61-76.

10. Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI – XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П.Смирнова и 25-летию исследования городища Иднакар. Ижевск-Глазов, 1999.- С.73-102.

11. Руденко К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании болгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П.Смирнова и 25-летию исследования городища Иднакар. Ижевск-Глазов, 1999.- С.111-134.

12. Руденко К.А. Этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье и Прикамье в XI – XIV вв. (историографические и археологические аспекты) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. 75 лет со дня рождения В.Ф.Генинга. Ижевск 28-30 марта. Ижевск, 2000.- С.156-160.

13. Руденко К.А. Датировка находок «аскизского» круга из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Сборник

материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2000.- С.48-127.

14. Руденко К.А. Этнокультурные контакты населения Южной Сибири и Волго-Камья в XI – XIV вв. (хронологические аспекты) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Выпуск XI. Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2000.- С.232-236.

15. Руденко К.А. Булгарские железные пряжки и накладки (X – XIV вв.) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. / Труды ГИМ. Выпуск 122. М., 2000.- С.240-253.

16. Руденко К.А. Металлические котлы Поволжья и Приуралья VIII - XIV вв. // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. / Труды ГИМ. Выпуск 122. М., 2000.- С.210-223.

17. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI- XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология, № 1-2 (6-7) / Тюрко-степное средневековье, Казань, 2000.- С.42-102.

18. Руденко К.А. Металлические чаши VIII – XI вв. из Среднего Поволжья // Древности Окско-Сурского междуречья. Выпуск 2.Саранск, 2000.- С.69-81.

19. Руденко К.А. Булгарское ремесло как социо-культурное явление и вопросы его эволюции (постановка проблемы) // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып.2. Казань, 2001.- С.70-93.

20. Руденко К.А. Поясной набор из VI Алексеевского селища в Татарстане (к вопросу об эволюции булгарской поясной гарнитуры VIII – XII вв. (проблема преемственности) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Том 2. Самара 2001.- С.180-188.

21. Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ X – XII вв. (105-летию Государственного объединенного музея Республики Татарстан посвящается) // Краеведческие среды. Материалы заседаний, прошедших в Государственном объединенном музее Республики Татарстан в 2000 году. Казань, 2001.- С.12-62.

22. Руденко К.А. Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI – XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.- С.322-348.
23. Руденко К.А. Поясной набор из могильника Алтэн-Тау в Пермской области // Пермский регион: история, современность, перспективы (материалы международной научно-практической конференции). Березники, 2001.- С. 39-41.
24. Руденко К.А. Изделия «аскизского облика» ордынского времени в Поволжье и Прикамье // Археология Поволжья. Пенза. 2001.- С.143-146.
25. Руденко К.А. Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея РТ (к вопросу о болгарской торевтике эпохи Золотой Орды) // Татарская археология, №1-2 (8-9), 2001.- С.104-132
26. Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Казань-Астрахань-Казань, 6-16 августа 2001 г. Часть II, Казань, 2002.- С.31-52.
27. Руденко К.А. Исследования археологических памятников у с. Балымери в 1996-1998 гг. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002.- С.70-77.
28. Руденко К.А. Новые находки деталей пластинчатого доспеха из Волжской Булгарии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.- С.59-64.
29. Руденко К.А. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье (К постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Выпуск 5. 2002. Волгоград, 2002.- С. 308-320.
30. Руденко К.А. «Татарская земля»: археологические памятники XIV-начала XV в. в Среднем Поволжье // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ, выпуск 135. М., 2002.- С.154-165.
31. Руденко К.А. О верхней границе бытования вещей аскизского облика в Поволжье и Прикамье // Проблемы истории России. Выпуск 5. На перекрестке эпох и традиций. Екатеринбург, 2003.- С.68-79.

32. Руденко К.А. Происхождение и развитие элементов аскизской культуры в Поволжье и Прикамье в XI-XIV вв. // Археология Восточноевропейской лесостепи. Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения видного российского археолога А.Е.Алиховой (11-14 ноября 2002 года), Пенза, 2003.- С.476-487.

33. Руденко К.А. Волжская Булгария, северо-восточная Русь и Прикамье: проблемы исследования этнокультурных контактов и взаимовлияний в XI-XIV вв. (по археологическим материалам) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Выпуск 27. Йошкар-Ола, 2004.- С.105-115.

34. Руденко К.А. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995-1997 гг.) // Татарская археология, №1-2 (10-11), 2002-2003 / Казанское и другие татарские ханства: археология, эпиграфика и искусство. Казань, 2004.- С.100-136